Улицы моего детства

Дворовая жизнь

Москва и чипсы

Столица нашей родины – Москва - это первые воспоминания детства. Городок Выборг, где я родилась, оставил лишь разрозненные картинки в памяти: финская коммуналка с шестиметровыми потолками, кривые мощеные улочки, статуи в парке Монрепо, да воспитательница в детском садике по имени Ида Ивановна, грозный лик которой мерещится до сих пор.

Москва – это совсем другое, ее я помню отлично, мы приехали туда, когда мне было 5 лет. Жили в сталинском доме на Сиреневом бульваре. Двор наш представлял собой большой прямоугольник, огороженный пятиэтажками. С точки зрения современных градостроителей, он был неприлично заросшим и занимал неоправданно много места. Дома просто утопали в зарослях сирени, шиповника, боярышника, лип и кленов. Между домами были устроены целые аллеи.

За порядком наблюдал «Зеленый патруль». Это несколько пенсионеров, которые прогуливались по дворам с повязками «ЗП» на рукавах. Бдительно наблюдали, не ломает ли кто деревьев, не гоняет ли птиц…

В квартирах на первых и вторых этажах из-за разросшихся ясеней было очень темно, и как-то сосед решил срубить одно из деревьев. «Зеленые» патрульные грудью встали на его защиту и не дали испортить палисадник.

Мы, дети, тоже побаивались грозных бабушек и дедушек, но это не мешало нам забираться на деревья и срывать кислые сливы и вишни. Зато шиповник можно было рвать беспрепятственно. Если ягоду шиповника потереть об асфальт с обеих сторон и вытащить косточки, можно сделать кольцо и носить его, пока оно не завянет!

Всегда у нас был свой шалаш, построенный в зарослях шиповника из картона и досок, где мы ссорились, мирились, плакали, рассказывали анекдоты и страшные истории!

Зимой во дворе всегда заливали каток, и можно было кататься до упада! Обязательно делали горку и строили ледовые городки. Еще мы обязательно мастерили кормушки для птиц из новогодних подарков. Каждый год с сестрой мы ездили на елку в Сокольники. Конфеты и мандаринка – традиционный подарок – запаковывались в пластмассовый колокол или матрешку. Потом в них надо было прорезать дверку для птички, насыпать пшена и повесить за окно. Какими только птицами не пришлось полюбоваться нам в Москве: и снегирями, и клестами, и синичками. Еще мы катались на лыжах в Измайловском парке, ходили туда с классом на уроки физкультуры, а весной на уроки природоведения. Незабываемое время, когда я впервые лизнула качели и застряла в деревянной горке, когда решила спуститься вниз через щель между досками, а сколько ключей было потеряно в том дворе! Однажды, мне повезло, и я нашла потерю на следующее утро, но это было всего лишь раз!

В возрасте 7-8 лет мы были очень самостоятельными, не в пример современным детям. Я, например, целыми днями была одна дома, мама с папой работали в центре города, а у нас даже телефона не было. Но я с первого класса ездила сама в музыкальную школу на троллейбусе, ходила в магазин, за сестрой в сад. Помню, как на бульваре летом торговали бананами по 2 рубля. Всей нашей дворовой компанией мы выстаивали огромную очередь, а так как в руки давали по два килограмма, каждый приводил с собой сестру или брата. Самое ужасное было в том, что бананы были зеленые, и приходилось класть их на шкаф, и каждый день проверять – не пожелтели ли они. Это была настоящая тренировка воли!

Если перепадали деньги, то неслись в магазин за «Московским картофелем». Сейчас его называют чипсами, но у нас это была «картошка за 10 копеек», и была она страшно вкусная. Естественно, никакой вредности мы не усматривали в этой картошке, а моя прабабушка, изредка приезжавшая к нам, считала ее непозволительным расточительством и обещала нам сделать точно такую же дома. Конечно, у нее это не получилось, и она, каждый раз вздыхая, давала нам «десятчики». Мороженое за лакомство не считали, оно всегда продавалось в киоске на бульваре, также как и финики, которые лежали во всех магазинах. Когда к нам приезжали родственники из «провинции» (а те, кто жил в столице или у моря, знают, какое количество их бывает), я шла с авоськой за мороженым, и продавщица спрашивала: «Откуда гости приехали?» Из всего разнообразия брикетов, трубочек и стаканчиков, я до сих пор помню и люблю фруктовое за 8 копеек, розовое кисловатое мороженое и деревянная палочка к нему в придачу! И еще был один деликатес, его и сейчас можно купить только в Москве – миндальное пирожное. Это настоящий незабываемый вкус моего московского детства!

В 1980 году папа заканчивал военную академию. Досрочно прошли экзамены, защиты и распределение: приближалась Олимпиада, и из Москвы старались выдворить всех, кого можно. Я перешла в третий класс, и родители сделали мне царский подарок – за оставшееся до отъезда время мы посетили, наверное, все музеи и выставки столицы. Каждое утро мы выходили из дома, ехали на метро в центр, выполняли нашу культурную программу, обедали в какой-нибудь столовой, и возвращались поздно вечером. Папа сам вел экскурсии, прекрасный остроумный рассказчик и большой интеллектуал, казалось, он знал все и обо всем.

Сейчас, бывая в Москве, я всегда вспоминаю то золотое время, счастливое лето, и улицу моего детства… Детства, которое не вернешь, так же как и не вернешь Москву конца семидесятых.

Яна Краузе

Из Иваново - в Тюмень

Когда мои родители в 1956 году собирались переехать в Тюмень, они поначалу вообще не нашли этот город на карте СССР. Пришлось у соседей брать более точную карту. А когда приехали в Тюмень, она не произвела впечатления - в их родном Иванове по утрам дворники поливали улицы из шлангов, чтобы смыть текстильную и другую пыль. И город каждое утро просыпался чистым. А в Тюмени - маленький грязный вокзал, деревянные тротуары, узкие улочки, не большие дома. Довольно долгое время многие люди произносили слово «Тюмень», как-то стесняясь. Причем, стеснялись и те, кто приехал в Тюмень «за длинным рублем», и коренные жители. Например, много позже мне рассказали, что знаменитый оперный певец Юрий Гуляев очень стеснялся своего места рождения. Видимо поэтому, став настоящей звездой советской сцены он в родной город практически не приезжал. А не тюменские... Да, в этом городе для молодых специалистов были хорошие условия - дали отдельную трехкомнатную квартиру, были высокие зарплаты, в магазинах продавали такие продукты, о которых в центральной части страны даже и не слышали. Но не только этим определяется отношение к городу.

В эпоху освоения Севера Тюмень, конечно, звучала, но не так гордо, как названия только что открытых месторождений, построенных нефте- и газопроводов или основанных посреди тайги или тундры городов. Столица области была по сути большой перевалочной базой - на Север и с Севера. Это было главным. А то, что Тюмень - первый русский город за Уралом, что до нее на этом месте стояла богатая Чимги-Тура - столица Тюменского ханства, что вообще что-то было до, что-то достойное и славное - никто не упоминал. Той эпохе нужны были другие замысловатые сюжеты.

Север сделал и для Тюмени доброе дело - всем, кто приехал его осваивать, будь то нефтяники, газовики, инженеры, врачи, строители, и так далее - надо было где-то жить, предприятиям полагались руководящие и координирующие структуры, в общем город стал быстро расти. И, возможно, впервые с 1586 года, становиться центральным, а не провинциальным. И делали его таким люди, которые приехали в Тюмень из разных уголков огромной страны. То, на что в других городах уходили десятилетия, в Тюмени появлялось за год-два — новые дома, новые улицы, новые школы, детские сады, кинотеатры, парки, аллеи, скверы, аэропорт, вокзал. Город становился большим и шумным. Мои родители получили квартиру на окраине — на улице Энергетиков. Сразу за нашим домом было озерцо и болото, через него шла узкоколейка и каждый день маленький поезд возил на ТЭЦ торф. Летом по утрам жители нашего дома просыпались от оглушительного кваканья лягушек, их мог перекрыть только звук поезда. Но довольно быстро за болотом началось строительство нового микрорайона, вместо озерца появилась школа. Улицу Энергетиков продлили, вдоль нее высадили тополя, они быстро выросли и опушились необыкновенно большими листьями — минимум в две ладони взрослого человека. Мы специально бегали из двора на улицу за этими листьями — они были и «деньгами в магазине», и парусами для корабликов, и еще много чем. По сей день мне кажется, что на Энергетиков раньше, чем на соседних улицах эти тополя распускают почки, потом появляются по-прежнему огромные листья, а осенью они устилают пешеходную дорожку глубоким ковром. И шуршат также как в детстве. И очень не хочется, чтобы это изменилось. Тюменские тополя сейчас многие ругают — да, много пуха. Но ведь и они придают городу уют. Как и цветущие в мае яблони на улице Республики, а аромат такой стойкий, что «пробивает» даже выхлопные газы, которыми теперь центральная улица богата в любое время года. Осенью у города новая краска — желтая, но прозрачная как яблочное варенье. Тем более что с грязью, которая несколько столетий негласно была главной тюменской достопримечательностью, теперь более-менее справились. И она уже не портит сезонную картину.

Еще одно детское ощущение родного города — сладкое. По дороге из детского сада мы с мамой периодически заходили в большой продуктовый магазин на Энергетиков. Моим любимым, разумеется, был отдел «Бакалея». Сейчас даже слова такого в торговле уже нет. В восторг меня приводили горы конфет, которые, как я потом поняла, от незамысловатости советского маркетинга насыпались доверху в прозрачные полиэтиленовые пакеты и стояли такими «столбиками» на витрине. Мама покупала конфеты и черный хлеб. И это было очень вкусно - горбушка с шоколадными конфетами. Много есть было нельзя — сразу вылезал диатез. И от этого вынужденного минимализма конфеты были еще слаще, а черный хлеб — еще ароматней.

Второе детское лакомство росло в палисаднике маленького кондитерского цеха на Котовского. Это были обычные яблони-дички, по осени увешанные маленькими красными яблоками. Такие были везде, но эти почему-то казались очень вкусными. Наверное потому, что очень интересно и очень страшно было лазить за ними через заборы. Особенно мы боялись сторожа цеха. Он ужасно гремел поддонами, когда шел выбрасывать отходы производства тортов и пирожных. Кстати, торты и пирожные в Тюмени — это отдельная тема. Просто так, когда тебе захочется, их в магазине нельзя было купить. Видимо, считалось, что раз это блюда для праздника, то и не зачем каждый день его продавать трудящимся. Вот вопрос — куда тогда уходили торты из нашего кондитерского цеха, работавшего иной раз даже в выходные? Был в Тюмени специализированный магазин «Золотой ключик», на улице Дзержинского, на первом этаже обычной «хрущевки». Но и там торты делали только на заказ, а вот пирожные продавали там же в кафетерии. Зайти туда, съесть заварное или «картошку» и запить молочным коктейлем уже было событием. Был и более близкий к дому вариант. На перекрестке Котовского и Одесской стоял зеленый ларек. В одном окошке продавали пирожные и булочки. А в другом почему-то разливное пиво. Кто решил, что эти продукты между собой совмещаются и мамы с малышами будут нормально себя чувствовать рядом с мужчинами, многим из которых надо «поправиться после вчерашнего» - еще один вопрос. Но мужики не запомнились. Запомнилось пирожное «корзиночка». И запах ванили во дворе, когда перед каким-нибудь календарным советским праздником в кондитерском цехе готовили особенно большую партию тортов. Для кого? Куда?

Есть одна странная вещь – Тюмень, несмотря на все ее бывшие и нынешние проблемы, обладает какой-то притягательной силой. По сей день те, кто прожил в нашем городе чуть дольше чем один-два командировочных дня, почему-то запоминают его надолго и потом всегда выделяют на фоне других городов. Наверное потому, что хотя Тюмень и приобрела некоторый лоск и никто уже не вспоминает поговорку «Тюмень — столица деревень», но она пока не «большой город». Жизнь у нас кипит не меньше, чем в мегаполисах. Зато нет такой суетливой и холодной толпы. Хотя уже есть один из признаков большого города - автомобильные пробки. Я много езжу по разным городам, бываю в разных странах. Но почему-то всегда самое приятное - это возвращение в Тюмень. Когда под крылом самолета или из окна поезда или машины появляются сначала знакомые пригороды, потом - кварталы и улицы. И в какую бы погоду это не происходило на душе становится тепло и уютно. Потому что я понимаю - я дома, в Тюмени.

Светлана Голякова

Старинный дом на ГОСпаровской

У тюменских улиц моего детства два названия: Госпаровская и Челюскинцев. Первая – это улица, где я провел первые месяцы жизни и потом приезжал каждое лето на каникулы, вторая – место расположения одного из родовых гнезд нашей семьи, уникальный в последние десятилетия прошлого века уголок патриархальности в самом центре динамичной растущей столицы нефтегазового края.

Госпаровская – именно ГОс-, а не ГАс- как ныне написано на нескольких табличках на домах на этой самой улице. Название пошло от сокращения Государственное Пароходство. Пару лет назад наша дочь, юнкор городской газеты «Тюменский курьер», провела даже журналистское мини-расследование по поводу того, почему на одной и той же улице на четной и нечетной сторонах красуются таблички с разными написаниями названия. Попутно Анна открыла для себя и читателей станцию «Тура» и загадочный дом Колмакова, но это другие истории.

Наш дом, большой, двухэтажный, с цокольным полуподвалом и сложенными из огромных бревен верхними этажами, находился практически посередине улицы Госпаровской. Левее располагались детский сад – ясли и, чуть дальше, видимое сейчас при съезде в сторону Центра с моста на улице Профсоюзной разрушенное красно-кирпичное здание первой тюменской электростанции. Когда строили этот мост, снесли и наш дом, и ясли, куда я ходил в счет зарплаты моего папы-студента, сторожившего там по ночам, и часть частного сектора с четной стороны Госпаровской. А пока моста не было, на том месте, где он сейчас находится, проходила дорожка в сторону магазинов «Салют» и, по-моему «Огонек».

Как у всякого приличного старинного дома (а дом был, действительно, дореволюционный, и потолки там были около четырех с половиной метров), у нашего был двор. Именно двор, а не дворик. Большой, особенно для нас пацанов, со всякими укромными местами, позволяющими и в прятки, и в «войнушку» играть, а для некоторых и попробовать покурить и поиграть в запрещенные карты. Основной вход во двор прикрывали Ворота (с большой буквы), возле которых была обязательная скамейка для бабушек-кумушек, перетиравших косточки и старым и малым. А сразу за воротами росло Дерево (тоже с большой буквы). Наверно это был тополь, вся улица Госпаровская была засажена многолетними тополями, но этот тополь был, как нам казалось, вековым. Громадный ствол, который мальчишки могли обхватить вдвоем-втроем, нижние ветки, росшие так высоко, что не допрыгнешь, «штаб» среди ветвей и обязательная «качеля» из веревок и палок.

Среди других летних приключение – попытки поймать летучих мышей, якобы живших в кронах тополей, на расстеленную на земле белую простынь. Еще было купание на Туре с обязательными «страшилками» про утопленников, нырнувших и ударившихся головой о «топляки», и невинными похищениями через дырку в заборе Судостроительного завода твердого пенопласта, на котором было так замечательно плавать.

На здании заводоуправления и сейчас сохранились одни из первых в Тюмени электронные цифровые часы, с которыми связано одно из ярких воспоминаний детства. Попасть на улицу Госпаровскую с ближайшей остановки «Котельщиков» можно было пешком по идущей к порту железнодорожной насыпи, отделяющей территорию завода от основного болота. Когда мы шли по этой насыпи с дедом, у нас всегда была специальная игра, кто первый заметит смену цифр на часах. Понятно, что дед, родившийся со мной, тогда семи-восьмилетним, в один день, но на 47 лет раньше, и смену часов замечал, как правило, раньше, но поддавался. Но и я, считая про себя секунды, бдительно поглядывая не только под ноги на шпалы, но и на крышу заводоуправления, наверно, именно тогда стал «ценить время», которое бежит и бежит, щелкая циферками каких-то других часов.

Улица Госпаровская имела лишь «зимний асфальт», когда постоянная тягучая няша посреди улицы, разбавляемая помоями, которые местные хозяйки выливали прямо в колеи в виду отсутствия канализации, застывала в твердое дорожное полотно, которому даже могли ездить «Волги»-такси. Это почти не увеличивало стоимость проезда, но слегка сокращало «чаевые» водителям, так как от перекрестка Ленина и Первомайской до дома (наш очень частый маршрут) все равно был «руль», хотя на счетчике сумма варьировалась от 80 до 98 копеек. Ну а маршрут этот был обусловлен нахождением недалеко от этого самого перекрестка еще одного родового гнезда нашего семейства – дома по улице Челюскинцев, 59.

Этот двор – совершенно особое место, сохранившее до 90-х годов XX века очарование дворов старой Тюмени, не раз описанных у Владислава Крапивина, чей двор детства также находился где-то неподалеку. Мы, дети 70-х, его, конечно, не застали, но знали, что он где-то рядом.

Именно крапивинские описания дворов всегда приходили мне на ум, когда на каникулах я приезжал сюда, а потом, став взрослым и, обзаведясь семьей и первым ребенком, даже прожил в этом доме четыре года.

Многие помнят сборник «Летящие сказки», и там повесть про ковер-самолет. Когда я первый раз прочитал эту книгу, было словно озарение – Владислав Петрович описывал именно эти дворы старого тюменского центра с обязательными «сарайками», зеленой травой, веревками с бельем. А башня с часами – это Знаменская церковь, тогда принимавшая в своих стенах хранилище каких-то фондов, и от этого постоянно закрытая и нелюдимая до ощущения заброшенности.

А еще от этого двора все было рядом. И кинотеатр «Темп» с разноцветными залами (кто теперь помнит, имена какого цвета они носили), и филармония с драмтеатром, где проходили детские новогодние утренники с обязательными подарками, выдаваемыми на выходе Дедом Морозом и другими персонажами, и Театр Кукол с необыкновенными часами в холле и снова с утренниками, и ГорСад или, по-другому, «Огород» с аттракционами, тенистыми аллеями и расположенным рядом Центральным стадионом. Рядом же была стройка нового здания горисполкома, где, по легенде, с одного из верхних этажей свалилась в лифтовую шахту пьяная маляриха, но не разбилась, а, отскочив от спружинивших «по дороге» досок, приземлилась на опилки со слегка отяжелевшими штанами. Здесь же неподалеку был Дворец Пионеров со своим садом и красивой кованой оградой.

Вообще каких-то 30-40 лет назад в Тюмени, казалось, все было рядом. Строящийся «Юбилейный», КПД, Дом Обороны – все это почти рядом, а вот экзотическая «Зарека» или находящиеся на другом конце планеты «микроши», до них было ехать и ехать.

Дворов моего детства сейчас нет. Госпаровская, после строительства моста, превратилась в улицу складов и помоек. Двор на Челюскинцев, некогда принимавший в гости многих ставших знаменитыми тюменцев, среди которых, например, автор неофициального гимна города Сергей Дьяконов-Дьяченко – близкий друг моего дяди, того самого Альмирки, которого «мин син ератам», исчез под натиском ИГИПа и элитной многоэтажки. Дом со стенами в 4 кирпича, еще дореволюционной, на яйцах замешанной, кладки стоит, а двора нет. Остались старые фотографии, разбирая которые для участия в проекте, удалось найти снимки многих описанных мест.

Сергей Смирнов

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области.
Свидетельство ПИ № ТУ72-00194
Газета основана 5.08.2010г.

Учредитель: ООО “В нашем дворе”, 625000, г. Тюмень, ул. 8 Марта, д. 2, корп. 13
Издатель: ООО “В нашем дворе”
2010© ООО “В Нашем Дворе”
Номер подписан в печать 21.11.11, время выхода по графику 23-00, фактически -23-00
Отпечатано в типографии ОАО «Тюменский дом печати», г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, www.dom-pechati.ru
Заказ № 2212 Тираж 4 000 экз. Выходит 3 раза в месяц. Распространяется бесплатно.

Главный редактор Муратова Я.В.
Адрес редакции и издателя: 625000, г. Тюмень, ул. 8 Марта, д. 2, корп. 13
Тел. (3452) 96-45-46
Editor@vnashemdvore.ru
Адрес для писем: 625000, г.Тюмень, Главпочтамт, а/я 172
За содержание рекламных объявлений ответственность несут рекламодатели.